

УДК 821.111(73)

СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ И ФУНКЦИЙ ПРИРОДЫ В АФРО-АМЕРИКАНСКИХ «НЕВОЛЬНИЧЬИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ» XVIII–XIX ВЕКОВ

Ирина Михайловна Удлер

к. филол. н., доцент кафедры теории массовых коммуникаций

Челябинский государственный университет

454000, Челябинск, пр. Победы, 162 в. udl.irinm@gmail.com

В статье анализируется своеобразие изображения и трактовки природы в «невольничьих повествованиях» XVIII в., прослеживается эволюция темы, картин, функций природы в документально-публицистических произведениях «школы героических беглецов» XIX в. На смену красочности и изобилию африканской природы как символу прекрасной исторической Родины приходит многозначное изображение американского леса как реальной опасности для беглеца, как почти непреодолимой преграды на пути к свободе. Авторы «невольничьих повествований» отвергают романтический образ леса как символ свободы и противопоставляют ему пространство города, пробуждающее надежду на свободу.

Ключевые слова: афро-американские «невольничьи повествования»; жанр; Олауда Эквиано; Фредерик Дуглас; «школа героических беглецов»; природа; Африка; образ Полярной звезды.

Для афро-американской литературы и публицистики вплоть до конца XX–начала XXI в. жанр «невольничьего повествования» (slave narrative) является архетипическим жанром, «порождающей моделью» (А.Ф. Лосев), «изначальным образцом, изначальной формой жизни, вневременной схемой» [Манн 1960: 175]. Обладая богатейшим архетипическим содержанием, связанным с африканским прошлым или африканскими корнями его создателей, их насильственным перемещением на невольничьих кораблях из Африки в Новый Свет и обретенным американским опытом, «невольничье повествование», в свою очередь, стало архетипом всех жанров афро-американской литературы и публицистики, дающим о себе знать в проблематике, сюжете, мотивах в проблематике, сюжете, мотивах, жанровой модели, хронотопе, системе персонажей, в образах-символах, композиции, языке в каждом афро-американском произведении XX–XXI вв. Без осознания этого анализ современного афро-американского произведения любого жанра будет далеко не полным.

Предметом рассмотрения в данной статье является своеобразие изображения и трактовки природы в «невольничьих повествованиях» XVIII–XIX вв., ставшее традицией для современной афро-американской литературы.

Начало жанру «невольничьего повествования», достигшему своих вершин в XIX в. в творчестве «героических беглецов» из рабства, положили афро-американские и афро-английские «повествования» XVIII в., взаимодействовавшие друг с другом: «Повествование о самых примечательных событиях в жизни Джеймса Альберта Юкосо Гроньосо, африканского вождя, как он сам об этом рассказал» (*A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself*, 1772) [Gronniosaw 2000], «Повествование о порабощении Оттоба Кьюгоано, уроженца Африки; опубликовано им самим в 1787 году» (*Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoano, a Native of Africa; Published by Himself in the Year 1787*) [Cugoano 1825], «Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца. Написано им самим» (*Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself*, 1789) [Equiano 2000].

В них сопоставляются Африка и Америка, Африка и Англия, Англия и Америка, африканцы, чернокожие американские рабы. Все три повествователя – Гроньосо, Кьюгоано, Эквиано – родились в Африке. Все настаивают на своем знатном происхождении и соответствующем их

происхождению воспитанию. Все были похищены и после странствий по Африке проданы в рабство. Все совершили мучительное путешествие на невольничьем корабле к берегам Америки (The Middle Passage) и затем странствовали на кораблях-парусниках, курсировавших взад и вперед между Карибскими островами, Америкой, Европой, путешествовали по суше по Европе (Англия, Голландия, Германия, Испания) и Америке. Во всех трех «повествованиях» единый хронотоп странствий по морю и по суше, в котором огромное место занимает хронотоп и образ парусника, не позволяющий забыть о хронотопе The Middle Passage.

Рассказывая о своем детстве и отрочестве, которые прошли в родной Африке, Гроньосо использует жанры путевого очерка с его взглядом путешественника на свою и чужую землю, этнографических заметок. Отчетливо звучит тема прекрасной Африки с ее великолепными пальмами, дающими африканцам и пищу, и питье, и одежду, и звучит ирония в адрес тех, кто думает, что африканцы не носят одежды. Он воспеваает красоту африканских пальм, «огромных, высоких и величественных», воспеваает их важное место в жизни людей. В большом пассаже, напоминающем стихотворение в прозе, описывается, как ствол прекрасной пальмы снабжает людей качественным вином, а высушенные и разорванные на кусочки шелковистые листья, подобно английскому льну, служат материей для одежды. На дереве растут плоды, напоминающие по виду и по вкусу кочаны капусты. Пальма снабжает людей орехами, наполненными приятным на вкус молоком, а их скорлупа используется как миски и чаши [Gronniosaw 2000: 6]¹.

В рассказ о путешествии подростка из родного города на побережье Гвинеи (Золотой Берег), где его продадут в рабство за два ярда клетчатой ткани, включены описания лесов, в которых обитают львы и другие хищные животные, прекрасных горных долин, «высоких и почти недоступных гор, испещренных золотыми прожилками», в солнечных лучах переливающихся разными цветами и «являющих собой самое прекрасное зрелище, какое только можно вообразить» (8–9).

В Северной Америке в состоянии духовного кризиса, когда Гроньосо был близок к самоубийству, он, как и его африканские предки, вся его семья, все члены племени, идет в лес, садится под огромное и прекрасное дерево (правда, функции воспетой им африканской пальмы выполняет американский дуб, «огромный, необыкновенно прекрасный дуб в гуще леса»), разговаривает с деревом как с живым, близким ему существом, молится и взывает к Богу. Здесь на не-

го нисходит душевный покой. Здесь он начинает получать удовольствие от чтения трактата Р. Бакстера «Воззвание к необращенным» (17).

В «невольничьих повествованиях» XVIII–XIX вв., начиная с «Повествования» Гроньосо, воспроизводятся магическое сознание, автохтонные верования и обычаи африканцев (культ предков, культ первопредка, культ верховного божества, вера в добрых и злых духов природы), языческие обряды, которые продолжали существовать среди рабов, причудливо сочетаясь с обретенной в Новом Свете христианской религией. Среди персонажей «невольничьих повествований» часто встречается колдун, знахарь, хранитель африканской магии, использующий африканские талисманы. Африканский лес связывается с языческим культом, американский лес – с христианством.

Гроньосо первым из авторов «невольничьих повествований» ввел мотив полета, крыльев, с помощью которых можно улететь из рабства в Америке в Африку: «Сейчас, если бы у меня были крылья, как у орла, я хотел бы улететь к моей дорогой маме, чтобы сказать ей, что Господь более велик, чем солнце, луна и звезды, и что Он сотворил их» (13–14). В афроамериканском фольклоре XIX–XX вв. широко представлен сюжет о “black flight”, например сказочная история «Крылья даны всем Божьим созданиям» (*All God's Chillen Had Wings*)², которая начинается словами: «Когда-то все африканцы могли летать, как птицы, но, наказанные за свои проступки, они лишились крыльев» (“Once all Africans could fly like birds; but owing to their many transgressions, their wings were taken away”) [The Norton Anthology of African American Literature 1997: 103–105].

О.Эквиано в своем двухтомном «Увлекательном повествовании о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца. Написано им самим» обогащает и развивает тему прекрасной африканской природы, в гармонии с которой находится африканская цивилизация и культура.

Географические и этнографические описания природы, климата, общественного уклада, экономики, труда, быта, одежды (вплоть до любимого африканцами по сей день лазоревое цвета, краска для которого изготавливалась из ягод), нравов, отношений в семье, отношений между мужчинами и женщинами, языка, верований, обрядов, танцев, музыки, музыкальных инструментов, песен пронизаны глубокой любовью к Африке и африканцам, носят лирический характер.

Эквиано также выделяет и подробно описывает пальмовое дерево, из которого люди добывают «восхитительно сладкий» сок, превращающийся через несколько дней в вино. Пальма

снабжает людей орехами и маслом. Из пальмового масла, соединенного с растертыми в порошок кусками пахучих, душистых, благоухающих деревьев, делают духи, предмет роскоши африканцев [Equiano 2000: 53–54]³.

«Наша земля необычайно богата и плодородна, и на ней произрастают все виды овощей в большом количестве. У нас растет много кукурузы и огромное количество хлопка и табака. Наши ананасы растут без всякого ухода, размером с большую сахарную голову, с тонким ароматом. У нас много разных специй, особенно перца, и разнообразные ароматные фрукты, которых нет в Европе, а также разнообразные смолы (gums) и очень много меда» (56). Он называет также бананы, батат, «невероятного размера», «растущие в большом количестве» (73). На этой плодородной земле, согласно О.Эквиано, живут близкие к природе, скромные в своих потребностях, трудолюбивые, не знающие нищеты, жизнерадостные, любящие музыку, пение и танцы («мы нация певцов, танцоров и музыкантов») (52), приветливые люди, и живут они в согласии с собой и природой.

Возникает образ утраченного Рая, чему способствуют и описания щедрости, изобилия, богатств природы, экзотических, с утонченными ароматами деревьев и растений, экзотических и необыкновенно вкусных фруктов, а также прекрасных и телом, и душой людей, и особенно то, что описание дается от имени невинного африканского ребенка, подростка. Но в «Повествовании» два голоса: голос ребенка, рассказывающего о стране счастливого детства, и голос зрелого человека, испытавшего ужасы рабства, много повидавшего в путешествиях по Атлантике и Арктике, Европе и Америке, много передумавшего и сохранившего любовь и привязанность к исторической родине. «Обычаи и нравы моей страны <...> были привиты мне с большой заботой и оказали глубокое воздействие на мой ум, время не может их стереть, и все превратности фортуны, которые я испытал с тех пор, способствуют интересу к ним и желанию их запечатлеть...» (46–47). Он остается им верен, например, когда сопротивляется новому имени «Густав Ваза»; и его хозяин только побоями заставил мальчика носить это чужое, европейское имя.

Пишет он и о том, как украденный из дома, после шести или семи месяцев насильственного путешествия по Африке, он впервые увидел море: «Первое, что бросилось мне в глаза, когда я оказался на побережье, было море и рабовладельческий корабль, который стоял на якоре и ожидал свой груз. Это зрелище вызвало у меня изумление, которое превратилось в ужас, когда

меня доставили на корабль» (73–74).

И хотя большую часть своего пребывания в рабстве и затем на свободе Эквиано провел в морских путешествиях, плавал на торговых и военных кораблях, приобрел умения и навыки опытного моряка, много раз пересекал Атлантический океан, много повидал и испытал в Средиземном и Карибском морях, Атлантике и Арктике (борьба с морской стихией, кораблекрушения, жизнь на необитаемом острове), тем не менее самое сильное впечатление от встречи с океаном – в достигающем трагических высот описании плавания на рабовладельческом корабле (The Middle Passage) с деталями, воспроизводящими чудовищное насилие над людьми, навсегда врезавшегося в его память и генетическую память афроамериканцев и их культуры.

Во второй том О. Эквиано включил свою поэму, посвященную его обращению в христианство. В поэме описывается вся его жизнь, начиная с порабощения и путешествия на невольничьем корабле из Африки (“from my native land”, “the place that gave me birth”) в Новый Свет. Лирический герой пел, чтобы как-то облегчить свое состояние, и с горечью противопоставлял себя вечному свободным птицам (200–202).

Сопоставление с вольными птицами, поющими на свободе, будет свойственно «невольничьим повествованиям» XIX в. Ф.Дугласа, Г.Б.Брауна, Г.Джейкобс и др.

В первой половине XIX в. в США было три с половиной миллиона рабов. Начиная с 30-х гг. участились побеги рабов на Север, в Канаду. «Между 1830 и 1860 гг. по крайней мере 60 тысяч рабов обрели таким образом свободу. Подсчитано, что с 1831 по 1861 г. только через Филладельфию пробралось на Север 9 тысяч рабов» [Фостер 1955: 176]. Особенно высок был процент беглецов среди грамотных рабов. «Как пишет И.Рид в своем романе «Побег в Канаду», невольник, который был первым в чтении и письме, первым бежал из рабства» [The Slave's Narrative 1985: xxx]. Осуществив успешный побег на Север, «героические беглецы» (Б. Куорлз) становились участниками активизировавшегося аболиционистского движения⁴, часто выступали на аболиционистских собраниях с устными рассказами о своей жизни в рабстве. Некоторые из них стали “self-made men”: священниками, писателями, редакторами газет, врачами, политическими деятелями. Именно эти грамотные люди стали авторами «невольничьих повествований», написанных ими самими (У.Граймз, М.Роупер, Ф.Дуглас, У.У.Браун, Дж.Пеннингтон, Г.Бибб, С.Р.Уорд, Дж.Томпсон, У.Крафт).

Между 1825 и 1860 гг. появилось бесчислен-

ное количество публикаций *slave narratives* – жанра, который не только стал чрезвычайно действенным оружием в борьбе с рабством, но и оказал глубокое воздействие на афро-американскую литературу и публицистику.

В «невольничьих повествованиях» XIX в. авторы, родившиеся в американском рабстве, рассказывают о жизни в рабстве и побеге на Север или в Канаду, об извечном человеческом стремлении к свободе.

Африка и ее природа не исчезли полностью со страниц *slave narratives* XIX в. Например, Африка в книге Ф.Дугласа «Моя жизнь в рабстве и на свободе» (1855), как и в книге О.Эквиано, ассоциируется с утраченным Раем. Дети на плантации, еще неосознавшие, что они рабы, «счастливы, как маленькие язычники под пальмами Африки» [Douglass 1855: 41].

И все-таки на смену образу Африки – утраченного Рая – в повествованиях XVIII в. в XIX в. приходит образ американского Юга как ложного рая. Таким образом-символом является цветущий сад с прекрасными фруктовыми деревьями полковника Эдварда Ллойда, сада, огороженного забором, вымазанным смолой, в книге Ф. Дугласа «Повествование о жизни американского невольника Фредерика Дугласа. Написано им самим» (1845). Конкретная ситуация – голодный раб, который польстится на фрукты из этого сада, испачкается смолой, тем самым выдаст себя и будет жестоко наказан, – превращается в образ-символ.

Прекрасная южная природа не спасает: раб Демби тщетно пытался спрятаться в ручье от наказания бичом – его хладнокровно расстрелял надсмотрщик Остин Гор.

Красочность и изобилие африканской природы как символ прекрасной исторической Родины в «невольничьих повествованиях» XIX в. сменяются изображением американского леса, болота как реальной опасности для беглеца, как почти непреодолимой преграды на пути к свободе.

Страхи рабов, собирающихся бежать, хорошо передал Ф. Дуглас: «С одной стороны, рабство, безжалостная, пугающая нас реальность. <...> С другой стороны, на неопределенном расстоянии, в мерцающем свете Полярной звезды, за крутыми холмами и снежными вершинами находилась сомнительная свобода, зовущая нас прийти и воспользоваться ее гостеприимством. Этого иногда было достаточно, чтобы заставить нас колебаться. Но когда мы представляли себе наш путь, мы приходили в ужас. Всюду мы видели неумолимую смерть, выступающую в разных обликах. То это был голод, заставляющий нас поедать собственную плоть; то мы боролись с волнами и

тонули; то нас нагоняли преследователи и ужасные овчарки разрывали нас в клочья; нас жалили скорпионы, преследовали дикие звери, кусали змеи, и, наконец, когда мы почти достигали желанной цели после того, как мы переплывали реки, сражались в лесу со свирепыми зверями, ночевали в лесу, страдали от голода и холода, нас настигали преследователи и убивали нас, сопротивляющихся, в том месте, куда мы так стремились. Эта картина ужасала нас...» [Douglass 1986: 123–124].

В большинстве «повествований» беглец скрывается в лесу, и этот лес представляет реальную угрозу быть схваченным преследователями, что часто и происходило в действительности. Во многих «невольничьих повествованиях» чаще всего только третий побег оказывался успешным.

В «повествованиях» XIX в. нет такого воспевания природы, как в «повествованиях» XVIII в. об Африке.

Концепция природы также очень отличается от романтической. В эпоху романтизма в этих текстах отсутствует романтический образ природы, на лоне которой человек чувствует себя свободным, отсутствует романтическая идиллия, ибо опыт рабства мешает романтическому слиянию с природой. В американском лесу рабов линчевали, их подстерегали преследователи с собаками, готовыми растерзать беглецов⁵.

И все-таки лес изображается двойственно: и как угроза свободе, и как ненадежное, но все-таки убежище, опасная дорога к свободе.

Зато бесспорным символом свободы для беглецов как самой высшей ценности является образ Полярной звезды, родившийся в песнях рабов и занявший важное место в стихах и «невольничьих повествованиях», журналистике афро-американских авторов.

С 1847 по 1851 г. Ф. Дуглас издавал и редактировал еженедельную газету «Норт стар» (*The North Star*), «созданную самими жертвами рабства и угнетения...» [The Life and Writings of Frederick Douglass 1950: 280]. Он же сформулировал в своем «Повествовании» дилемму, стоявшую перед рабами: безжалостная реальность рабства либо притягательная свобода «в мерцающем свете Полярной звезды».

Во всех повествованиях «школы героических беглецов» присутствует «истинный друг раба» [Brown 1847: 96], путеводная звезда, указывающая беглецам путь на Север, к свободе, «звезда свободы», ставшая главным символом свободы в прозе и поэзии беглецов.

В «Повествовании Уильяма У. Брауна, беглого невольника. Написано им самим» (1847) чита-

ем: «...И каждую ночь, прежде чем выбраться из нашего укромного места, мы искали нашего друга и проводника – ПОЛЯРНУЮ ЗВЕЗДУ» [Brown 1847: 69].

Ее воспел Джосая Хенсон в своей «Автобиографии преподобного Джосаи Хенсона»: «Я знал Полярную звезду. Будь благословен Господь, сотворивший ее! Как Вифлеемская звезда, она указывала мне путь спасения. Я мог следовать за ней через леса, и реки, и поля, она должна была повести меня дорогой надежды... Я знал, что она привела тысячи моих бедных, преследуемых братьев к свободе и блаженству» [Henson 1881: 78–79].

Таким образом, тема природы соединяется в «повествованиях» XVIII в. с темой Африки – исторической Родины, корней, языческих верований, свободы. В «повествованиях» XIX в. изображение природы корректируется опытом рабства, который препятствует романтическому восприятию природы и становится средством критики рабства (использование анималистических образов для показа низведения раба до уровня животного), соединяется с темой свободы как самой главной человеческой ценности. Мотивы природы в slave narratives являются эффективным средством выражения расового, национального и культурного самосознания.

В «невольничьих повествованиях» присутствует и пространство города, пробуждающего стремление к грамотности как средству обретения свободы, ухода от статуса «невидимки», пробуждающего надежду на свободу, а после побега помогающего беглецам обрести себя в аболиционистском движении.

Примечания

¹ Далее в круглых скобках указываются страницы по этому изданию.

² Ю.О’Нил сделал эту фразу названием своей пьесы *All God’s Chillen Got Wings* (1924), несущим важную смысловую нагрузку, а Т.Моррисон положила фольклорный сюжет, ставший основой сюжета «Песнь Соломона» (1978).

³ Далее в круглых скобках указываются страницы по этому изданию.

⁴ В 1833 г. было создано Американское антирабовладельческое общество. «В 1840 г. насчитывалось уже 2 тыс. различных обществ, в которых участвовали 250 тыс. человек. В том же году была создана первая политическая организация аболиционистов – Партия свободы. Впоследствии она вошла в состав партии фрисойлеров» (История США: в 4 т. Т. 1: 1607–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. С. 367).

⁵ См.: *Benneth M. Anti-Pastoralism, Frederick*

Douglass, and the Nature of Slavery // Beyond Nature Writing : Expanding the Boundaries of Eco-Criticism / ed. by K.Armbruster and K.Wallace. Charlottesville: University Press of Virginia, 2001. P. 195–209; Newman L. Free Soil and the Abolitionist Forests of Frederick Douglass’s The Heroic Slave // American Literature. 2009 (March). Vol. 81, №1. P.127–152.

Список литературы

Манн Т. Иосиф и его братья: доклад для студентов Принстонского университета / пер. с нем. Ю.Афонькина // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т.9. С.153–171.

Фостер У.З. Негритянский народ в истории Америки: пер. с англ. М.: ГИХЛ, 1955. 802 с.

Brown W.W. Narrative of William W.Brown, a Fugitive Slave. Written by Himself [Electronic resource]. Boston: Anti-Slavery Office, 1847. xi, 110 p. URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/brown47/brown47.html> (дата обращения: 10.11.2010).

Cugoano O. Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoano, a Native of Africa; Published by Himself in the Year 1787 // The Negro’s Memorial; or, Abolitionist’s Catechism; by an Abolitionist [Electronic resource]. London: Hatchard & Co., 1825. P.120–127. URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/cugoano/cugoano.html> (дата обращения: 20.11.2010).

Douglass F. My Bondage and My Freedom / with an introd. by Dr. J.M.Smith. New York: Miller, Orton & Mulligan, 1855. xxxi, 468 p.

Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself / ed. with an introd. by H.A.Baker, Jr. New York: Viking Penguin, 1986. 159 p.

Equiano O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself // Slave Narratives / ed. by W.L.Andrews and H. L. Gates Jr. New York, 2000. P.35–242.

Gronniosaw J.A.U. A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself // Ibid. P.1–34.

Henson J. An Autobiography of the Rev. Josiah Henson (“Uncle Tom”). From 1789 to 1881 / with a preface by Mrs. H.Beecher Stowe, and introductory notes by G.Sturge, S.Morley, W.Phillips, and J.G.Whittier; ed. by J.Lobb. Revised and Enlarged. London; Ontario: Schuyler, Smith, & Co., 1881. iii, 256 p. URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/henson81/menu.html> (дата обращения: 10.11.2010).

The Life and Writings of Frederick Douglass. 5 vols. / ed. by Ph.S.Foner. New York: International Publishers, 1950–1975. Vol. 1: Early Years: 1817–

1849. New York, 1950. 448 p.

The Norton Anthology of African American Literature / ed. by H.L.Gates Jr. and N.Y. McKay. New York.; London: W.W.Norton & Co., 1997. xliv, 2665 p.

The Slave's Narrative [Text] / ed. by Ch.T. Davis and H.L.Gates, Jr. Oxford; New York: Oxford University Press, 1985. xxxiv, 342 p.

SPECIFICITY OF INTERPRETATION AND FUNCTIONS OF NATURE IN AFRO-AMERICAN SLAVE NARRATIVES OF THE 18–19th CENTURIES

Irina M. Udler

Reader of Theory of Mass Communication Department
Chelyabinsk State University

The paper is devoted to the originality of depiction and interpretation of nature in Afro-English and Afro-American slave narratives of the 18–19th centuries. The evolution of the topic, images and functions of nature in the documentary and journalistic works of “the school of heroic fugitives” of the 19th century is traced. Brilliance and abundance of African nature as a symbol of the dear historical Native Land in the eighteenth-century slave narratives were replaced in the nineteenth-century slave narratives by the image, evoking multiple interpretations, of the American forest as a real danger for the fugitive, as an almost impassable barrier between slavery and freedom. The authors of the slave narratives reject the romantic image of the forest as a symbol of freedom, and contrast it with the space of the city arousing hope for freedom.

Key words: Afro-American slave narratives; genre; Olaudah Equiano; Frederick Douglass; “the school of heroic fugitives”; nature; Africa; image of the North Star.